

Поэзия А. Башлачева. Прорыв за пределы трагизма к... диалектике... и выход в безысходность.

О поэзии А. Башлачёва написано мало. Больше написано о самом А. Башлачёве, нежели о его поэзии. Цель этих набросков, может быть, чересчур претенциозная и – определить логику центральной части образной системы в поэзии Башлачёва. Поэзия Башлачева настолько глубока, что местами здесь прорываются элементы диалектической логики.

Поэт, отражая окружающий его мир, создает свой поэтический мир в виде целостной (более или менее законченной) системы образов. В этой системе есть центральная часть, а есть периферия.

На периферии могут находиться незрелые, незаконченные, недоработанные сырые образы, а также несистематизированные зрелые образы (Например, непонятным для меня остается образ «в третьей роте без крайней плоти безымянный поет петух» в песне «В чистом поле - дожди косые». Склонен рассматривать его как случайный, сырой, периферийный. Более того, некоторые стихотворения Башлачёва (например, «Пляши в огне», «Вечный пост», «В чистом поле – дожди косые», «Посошок») не представляют собой некоей целостности – можно переставить местами куплеты или отдельные строки в одном стихотворении и принципиально смысл целого не изменится, можно даже перенести строки из одного стихотворения в другое без принципиальных смысловых потерь (я не говорю, что так нужно делать, это было бы непозволительным произволом в отношении творчества поэта, но разорванность, рваность смыслового образного ряда этих стихотворений не исключает подобного рода экспериментов).

Многие образы (смысловые законченные целостные фрагменты) Башлачёва в этих и других стихах часто имеют масштаб одной-двух строк, т.е. один образ – одна строка, одно четверостишие – четыре законченных, независимых друг от друга предложения, что также говорит в пользу вариативности башлачёвских стихотворений. Иногда складывается впечатление, что некоторые стихи Башлачёва – наброски к будущим произведениям, образы в них именно перечисляются по мере озарения и, может быть, ассоциативно и получают развитие в следующих соседних образах, но вместе с тем предполагают дополнительное стихотворное развитие (у Башлачёва строки настолько емки и сжаты, что

требуют себе собственных стихотворений, их перечисление в свою очередь дает ощущение грандиозности, колоссальности, но при этом и запутанности исходного и конечного замысла).

«Как в глухом лесу плачет черный дрозд.
Как присело солнце с пустым ведром.
Русую косу правит Вечный пост.
Храни нас, Господи, покуда не грянет Гром!
Как искали искры в сыром бору.
Как писали вилами на Роду.
Пусть пребудет всякому по нутру.
Да воздастся каждому по стыду.
Но не слепишь крест, если клином клин.
Если месть - как место на звон мечом.
Если все вершины на свой аршин.
Если в том, что есть, видишь, что почем.
Но серпы в ведре да серебро в ведре
Я узрел, не зря. Я - боль яблока
Господи, смотри! Видишь? На заре
Дочь твоя ведет к роднику быка.
Молнию замолви, благослови!

Вечный пост.

О незаконченности, периферийности многих стихотворных фрагментов и стихов говорит и тот факт, что сам Башлачёв в ходе исполнения неоднократно менял варианты строк, значит, что-то его не устраивало, значит он искал более совершенный, зрелый, законченный вариант, иногда так и не находил Вот примеры разных вариантов исполнений строк в одних и тех же песнях: «свистопляс»\ «рок-н-ролл» в стихотворении «Время колокольчиков», «Хочется – качайся направо, хочется – качайся налево»\ «Вот тебе, приятель, и Прага, вот тебе, дружок, и Варшава» в стихотворении «Некому березу заломати» (мне лично ближе первые варианты)).

Возможно, меня упрекнут, что я разбираю целостные стихотворения на отдельные строчки, рассматриваю их как самостоятельные, оторванные друг от друга фрагменты. Наоборот. У меня почему-то все творчество Башлачёва, все песни воспринимаются как одна песня, как единый эмоциональный поэтический поток, в котором есть свои водовороты, падения, провалы, всплески, водопады, нет одного – затишья, штиля, успокоенности. Это бурный, напряженный, жест(о)кий поток эмоций,

ощущений, переживаний отрицательного спектра: страдание, боль, горечь, страх, сомнения и т.д. Но это не пустые, пустозвонные страдания и страхи (наподобие фильмов ужасов).

Далее я попытаюсь найти, так сказать, квинтэссенцию, сущность этих переживаний в поэзии Башлачёва, те образы и стихотворные строчки, в которых наиболее эмоционально полно и логически отчетливо выражено это общее для башлачёвской поэзии состояние (возможно, я несколько сумбурно выражаюсь, но окончательно понятно, я надеюсь, станет после прочтения всего текста набросков).

Так вот, в этом потоке есть места, где общее настроение, мироощущение Башлачёва, распределенные в стихах поэта более или менее равномерно, достигает наивысшей концентрации, наивысшего воплощения; места, где этот общий огромный поток сжат до невероятных размеров, «протекает», точнее, обрушивается на тебя в трех-пяти словах, в одной-двух строках (из трех-пяти слов, из одной-двух строк). Именно эти фрагменты я рассматриваю как центральные образы, они, как микрокосмы, в которых сжат весь космос, вся суть, сущность поэзии Башлачёва. Именно на этих местах я и хочу дальше остановиться. Вначале проиллюстрирую, а потом попытаюсь проанализировать, выделив их логическую структуру.

Ставили артелью - замело метелью.
Водки на неделю - да на год похмелья.
Штопали на теле. К ребрам пришивали.
Ровно год потели, да ровно час жевали.

Позабыв откуда, скачем кто куда.
Ставили на чудо - выпала беда.

Вытоптали поле, засевая небо.

К свету – по этапу. К счастью – под плетями.

Лихо

И наша правда проста, но ей не хватит креста
Из соломенной веры в "спаси-сохрани".
Ведь святых на Руси -- только знай выноси.
В этом высшая мера. Скоси-схорони.

Посошок.

То-то будет хорошо!
Смеху будет много.
Спите, дети. Я пошел.
Скатертью тревога...

Рождественская.

Но с каждым днем времена меняются.
Спим да пьем. Сутками и литрами.

Время колокольчиков

Мы – выродки крыс. Мы – пасынки птиц.

Все от винта!

Вы снимали с дерева стружку.
Мы пускали корни по новой.
Вы швыряли медную полушку
Да мимо нашей шапки терновой.
А наши беды вам и не снились.
Наши думы вам не икнулись.
Вы б наверняка подавились.
Мы же - ничего, облизнулись.

Не продрать колтун на ресницах

А крестины там, иль поминки -
Все одно там пьянка-гулянка.
Если забредет кто нездешний
Поразится живности бедной.
Нашей редкой силе сердешной
Да дури нашей злой-заповедной.

Что, снаружи - все еще пусто?
А внутри по-прежнему тесно...

Некому березу заломати

Там, где ночь разотрет тревога,
Там, где станет невоготу –
Вот туда тебе и дорога,
Наверстаешь свою версту.

В чистом поле – дожди.

Если внимательно взглядеться, то можно увидеть, что эти фрагменты построены на крайнем противопоставлении, на сталкивании противоположностей: ставили - замело, неделя - год, штопали - пришивали, год потели - час жевали, спаси-сохрани – скоси-схорони, день – времена, чудо – беда, крысы – птицы (выродки – пасынки), вытоптали – засева, к счастью – под плетями, снимали стружку – пускали корни, швыряли – мимо, подавились – облизнулись, крестины – поминки, сердешная сила – дурь заповедная, снаружи пусто – внутри тесно, дорога туда, где невоготу.

Более того, эти противоположности не исключают, а предполагают, порождают друг друга (впрочем, как и положено противоположностям), но поражает другое – противоположности не просто порождают друг друга, но по сути совпадают друг с другом. Возьмем, например, четверостишие из «Лихо».

Ставили артелью - замело метелью.
Водки на неделю - да на год похмелья.
Штопали на теле. К ребрам пришивали.
Ровно год потели да ровно час жевали.

Здесь действие вызывает противодействие, оборачивается противоположностью, абсурдом: в случае 1,2,4 строк, поэтому действие теряет всякий смысл, лишено цели. Пика это бессмысленное взаимодействие противоположностей достигает в 3-ей строке, где само действие является противодействием, совпадает с ним: штопали на теле (одежду) и одновременно пришивали к ребрам (пришивали к телу ту же самую одежду). Примером того, что действие является противодействием (противоположностью самому себе) также может служить образ «колтун на ресницах» (нечто легкое, незаметное, парящее – ресница – набила

колтун – неопрятное, тяжелое, мешающее).

Строка «Мы – выродки крыс. Мы – пасынки птиц.» - первый услышанный и первый поразивший меня образ Башлачёва (и до сих пор, пожалуй, я рассматриваю его как самый сильный образ в творчестве поэта). В этой строке тоже одна противоположность не просто связана с другой, но она ею и является, то есть можно так переформулировать строку без изменения смысла: выродки крыс – это пасынки птиц, и это пробирает до дрожи, до боли, до боли буквально физической, когда понимаешь насколько низшее действительно связано с высшим, убогое с гармоничным, примитивное с высокоорганизованным и т.п., насколько это во многом то же самое, единое целое. А от того, что эти противоположности совпадают не сами по себе, а в насю(!!!) - становится еще больнее, ужаснее, безобразнее (в сторону выродков крыс) и одновременно легче, лучше, свежее, светлее (в сторону пасынков птиц). Примерно схожим образом можно проанализировать строки из «Некому березу заломати» «Нашей редкой силе сердешной Да дури нашей злой-заповедной».

А в «Посошке» когда из «спаси, сохрани» у Башлачёва возникает «скоси, схорони»... Вроде бы второе появляется из первого, органически связано с ним, но при этом оно настолько противоположно, что зачеркивает, исключает, отменяет первое. Второе обращение появляется не вместе (наряду) с первым, а вместо... и появляется в месте исчезновения первого... После того, как произнесено второе – первое «Не актуально!» (читать с той же интонацией, с какой эту фразу произнес профессор (П.Мамонов) из кинофильма «Пыль»).

Схожая ситуация и в стихотворении «Рождественская», когда последнее слово последней строки – «скатертью тревога...» - отрицает все сказанное перед этим. На одной чаше весов все стихотворение, на другой – одно слово, и перевешивает слово (в противоречии «текст-слово» ведущим и главным оказывается слово). Непонятно откуда оно берется (с фразеологической-то точки зрения, конечно, понятно – из фразеологизма «скатертью дорога»), в стихотворении нет оснований для тревоги, оно как-то не по-башлачевски спокойно, умиротворенно, тихо. И вдруг этот светлый путь, пройденный стихотворением (и читателем по мере прочтения) заканчивается так, что оказывается, что путь пройден зря, что это мираж, иллюзия покоя и тишины. Последняя строчка возвращает к исходной точке, к исходному и центральному ощущению башлачевского творчества – ощущению тревоги, Башлачёву не удается уйти самому и нас

увести от этого (и есть ли куда уходить?). Таким образом, логика этого стихотворения такая же, как и рассмотренных выше фрагментов из «Лихо»: действие заканчивается обратным, противоположным результатом и более того – является противодействием (в данном случае автор, пытаясь уйти от тревоги, находит еще один путь к ней). Эти предположения подтверждаются другими строками из стихотворения «В чистом поле – дожди»:

Там, где ночь разотрет тревога,
Там, где станет невтоготу –
Вот туда тебе и дорога,
Наверстаешь свою версту.

В «Рождественской» проложена одна из дорог в тревогу.

И в этом четверостишии тоже противоречие, тоже в конце действия ждет нечто противоположное: единственный путь ведет туда, где невозможно находиться, откуда хочется уйти и куда приходится идти и куда невозможно не придти (вот в чем ужас), потому что только «туда тебе и дорога». В сторону: если у Цоя частный случай («Электричка везет меня туда, куда я не хочу»), то у Башлачёва – обобщение.

В стихотворении «На жизнь поэтов» в строке «Дай бог им пройти семь кругов беспокойного лада» можно увидеть тот же прием, но противоположное направление: если в «Рождественской» из оптимизма в пессимизм, из спокойствия в тревогу, то здесь – из ада в лад, из темного в светлое, из смерти в жизнь.

Идем далее. «Спим да пьем. Сутками и литрами». Нормальные люди спят ну, пол суток, ну, сутки, ненормальные люди – сутками, живые – нормальные, мертвые – ненормальные, следовательно, мертвые спят сутками. Спать сутками – спать вечным сном: и там и там – беспробудно (без пробуждения). Где сутками, там и вечно... Так сон как явление жизни становится состоянием противоположного – смерти. Насчет «литрами». Здесь в принципе все просто: «Минздрав предупреждает, злоупотребление ведет к...». Пьем литрами – пьем вусмерть, до смерти. Фраза начинается жизнью, а заканчивается смертью. Если в этой строке имеет место единство жизни и смерти в их последовательности, то в строке из стихотворения «Посошок» «А живи, как есть - в три погибели» – их тождество, одновременность (гибель – единственный («...как есть...»), т.е. как и живешь сейчас и как жил) способ выжить). Это тождество

противоположностей. Такое же тождество жизни с смерти в строках из «Некому березу заломати»: «А крестины там, иль поминки - Все одно там пьянка-гулянка», где крестины (рождение) и поминки (смерть) суть одно и то же, потому что оба события – пьянки-гулянки.

«Но с каждым днем времена меняются». Если времена меняются каждый день, то это уже не времена, а нечто меньшее, и если дни сменяются как времена, то это уже не дни, а нечто большее; дни исключают времена и наоборот и одновременно они слиты в одно целое, эта взаимосвязь несоизмеримого. И в итоге исчезает и то и другое – состояние потерянности во времени, где дни равны временам, а времена равны дням и ни то, ни другое не имеет значения.

Примерно ту же логику, как и в дихотомии «дни-времена», можно выявить в строках из стихотворения «Некому березу заломати»: «Что, снаружи - все еще пусто? А внутри по-прежнему тесно...». Но если в первом случае – временная коллизия, то во втором – коллизия пространства: части и целого. Снаружи пусто – пусто вокруг, в окружающем мире. Окружающий мир пуст, в нем ничего нет, но в нем есть «я», у которого внутри тесно. Если вокруг пусто, то окружающего мира нет, а где же тогда «я»? Во мне больше, чем вокруг. И внутренняя полнота заполняет внешнюю пустоту. Таким образом, часть оказывается больше целого, более того, часть существует, а целое нет, как же тогда существует часть и частью чего является? Все эти вопросы, возникающие при осмыслении башлачёвских строк ставят в тупик, выход из которого – ощущение страдания, страха, одиночества, потерянности, а, значит, не выход.

Наконец, о главном башлачёвском образе – «время колокольчиков». Здесь тоже обнаруживается башлачёвское взаимодействие противоположностей. Колокольчики это что-то хрупкое, маленькое, уязвимое, эфемерное, их звенение (не звон, потому что звон у колоколов) чуть слышно и краткоременно, подул ветерок – зазвенили, их жизнь и из песня измеряется в мигах, мгновениях, моментах, секундах. И вдруг на долю этих колокольчиков выпало время (в смысле эпоха, эра, «время перемен», т.е. огромный, значительный промежуток, точнее, пласт времени. Думаю, Башлачёв именно в этом смысле употребил слово «время»: «Но с каждым днем времена меняются» и вот пришло время колокольчиков. Но первое несоизмеримо со вторым, одно исключает другое, колокольчики слишком малы, чтобы быть услышанными в масштабе времени эпохи, но вместе с тем их время все-таки пришло. Их время пришло и они бесполезны в этом времени. В этом противоречие – в

столкновении противоположных несоизмеримых масштабов.

Итак, в чем же состоит логика башлачёвских образов? Поэт берет крайности, противоположные состояния и сталкивает их друг с другом так, что они становятся тождественны, одним и тем же, сталкивает так, что искры летят, что непонятно, что происходит. Осмелюсь предположить, что именно из этого столкновения и подобного рода взаимодействия между противоположностями и берут исток те эмоции и ощущения, которые вызывает поэзия Башлачёва – буквально физически ощущаемые и переживаемые страдания, ощущения одиночества, отчужденности, затерянности, брошенности, тревоги (когда эти противоположности существовали были ориентиры, когда они столкнулись, отождествились, старые ориентиры исчезли, а новых не возникло, в чем и трагизм). Противоположности сталкиваются, но нового качества не возникает, они не объединяются, не синтезируют нового целого. Наоборот возникает надрыв, разрыв внутри, рана в душе (тоже противоречие – соединение порождает разъединение):

Но гляди - на груди повело полынью.
Расцарапав края, бьется в ране ладья.
(Посошок)

...ладья чего – надежды, любви?

Такая же логика присуща и самой жизни, и творчеству Башлачёва. Он пел (пение – нечто гармоничное, красивое, плавное) песни, а на самом деле кричал, орал их (крик – крик ужаса, о помощи, крик отчаяния? – хаос, разрушение, гибель). Действительно, его творчество – это крики отчаяния, ужаса и о помощи в мире, где теряются и потеряны ориентиры (1984-86 гг. – время башлачёвского творчества – предперестроечное время и начало горбачевской «перестройки» - время потери ориентиров, ценностей). Противоположности были тождественны в мире (лицемерие позднесоветских лозунгов, речей, когда красивые слова скрывали уродливые поступки и от этого становились безобразными сами) и Башлачёв отразил это в своем творчестве. Башлачёв не был поэтом протеста (каковыми были большинство рок-музыкантов), он был поэтом кризиса, тупика. В своем творчестве, он может быть, единственный с такой пронзительностью и глубиной отразил тот кризис, к которому пришло советское общество, другие кричали «Долой! Круши!», а Башлачёв ставил диагноз, но не знал как лечить, не знал как выйти из этого тупика и выход находил в страдании, боли, потерянности, тревоге,

что не является выходом. Один мой хороший знакомый так образно высказался по поводу развала СССР: «Вместо того, чтобы поменять крышу взорвали фундамент добротного и прочного здания». Так вот, Башлачёв не призывал взрывать фундамент, не кричал «Долой!», он, скорее, взывал к так называемым вечным ценностям («так называемым» не от того, что я высказываю свое недовольство, а от того, что нет вечных ценностей, равно как и общечеловеческих – «все течет, все изменяется» (Гераклит), ценности тоже) – правдивости, честности, доброте, искренности, чистоте, открытости. Далее позволю себе один тезис, выходящий за рамки поставленных целей данных набросков. Башлачёв в общем и целом – не перестроечный поэт, не один из первых поэтов грядущей ельцинской «демократии» (несмотря на «Абсолютного вахтера» и «сталинские шпоры»), наоборот – он один из последних советских поэтов (естественно, не в ряду официозных, мэйнстримовских популярных поэтов – Вознесенский, Евтушенко, Ахмадулина и т.п. (и тыры-пыры), но в ряду таких поэтов как Заболоцкий, Б.Слуцкий, Е. Винокуров, В.Соколов и другие). Но это уже другой разговор.

В этом (за исключением последнего абзаца) суть гипотезы о поэзии А. Башлачёва.

Судите строго.